

В Голландии жил старый горшечник, у которого был один сын Кай. Усердно работал старик, день и ночь он делал красивые горшочки, покрывал их глазурью, а потом обжигал в громадных печах на очень сильном огне. Тринадцатилетний Кай помогал ему как умел. Он приносил топливо для печи, поддерживал огонь, мешал уголь. Хороший был мальчик этот Кай, только слишком любопытный, а иногда и непослушный. Сделав много плошек и горшочков, отец Кая обыкновенно возил их в соседний город продавать. Он уезжал рано утром и возвращался поздно вечером.

Однажды как-то собрался он везти посуду на продажу и сказал Каю:

— Смотри, сынок, веди себя хорошо, сиди дома, читай книги и не ходи к плотинам, туда, где стоят развалины старого дома. Не нужно туда ходить.

— А что там такое? — спросил Кай.

— Сам не знаю, — ответил горшечник, — только люди уверяли меня, что туда ходить опасно, особенно вечером.

Кай остался дома, почитал немного, потом зевнул, ему сделалось скучно, и стал он придумывать, чем бы заняться. Возле печи Кай увидел большой кусок древесного угля — целую обгоревшую головешку, которая формой напоминала человеческую фигуру, только без рук и без ног.

«Вот славная головешка, — подумал Кай, — попробую сделать из нее куклу».

Он взял перочинный ножик и стал осторожно закруглять голову, сделал кукле плечики, туловище, потом отыскал четыре продолговатых уголька и два из них приклеил к плечам, два к туловищу. Кукла вышла на славу, по крайней мере она очень понравилась Каю.

— Ах ты славный, славный угольный человечек, — крикнул Кай и поцеловал фигуру в круглую голову.

Как только он сделал это, маленькая черная голова быстро зашевелилась и закивала, на ней ясно выделились нос, рот, уши, глазки и черные волосы. Вообще вся она так и осталась черной угольной. Вдруг крошечные черные губки задвигались, и Кай услышал тонкий, писклявый голосок:

— Молодец, Кай, спасибо тебе, ты отлично сделал меня, а поцелуем и лаской дал жизнь моей голове. Доверши же благодеяние. Обдай меня всего теплым человеческим дыханием, тогда я оживу и когда-нибудь в трудную минуту отблагодарю тебя!

«Почему бы и не оказать этой услуги человечку?» — подумал Кай, взял его в руки, пододвинул к своему лицу и несколько раз сильно дохнул на него.

Что за чудо! Человечек совсем ожил. На его ручках появились маленькие пальцы, ноги быстро-быстро зашевелились, и он пропищал:

— Пусти меня, Кай, теперь я совсем живой, только обращай со мной осторожно, потому что я все-таки угольный и меня легко сломать.

Кай разжал руки, и человечек от радости, что ожил, стал прыгать по всей комнате, размахивать руками, вертеться и танцевать. Он был очень мал ростом, с пол-аршина, и весь черный, как трубочист, в черной же одежде, тоже напоминавшей костюм трубочиста, в черных башмачках. На его черном угольном личике блестели и искрились черные же глазки.

— Милый Кай, славный Кай, — пел он, танцуя по комнате. — Ты сделал меня и своей любовью дал мне жизнь. Смотри же, я отблагодарю тебя.

Тут он расшаркался, низко поклонился Каю, отворил дверь и убежал. Кай долго смотрел, как он быстро-быстро шагал по снегу.

Весь день Кай сидел дома, думая о маленьком черном угольном человечке, и все задавал себе вопрос: «Придет ли он когда-нибудь ко мне и как меня отблагодарит?»

На следующий день все пошло по-обыкновенному. Отец делал горшочки, Кай приносил топливо, складывал его в громадные обжигательные печи, словом, все было как всегда, и посреди ежедневной усердной работы мальчик совсем перестал думать об угольном человечке. Через некоторое время горшечник опять изготовил множество глиняной посуды и раз рано утром отправился в город продавать ее. На прощанье он сказал Каю:

— Веди себя хорошо, Кай. Читай, играй, но смотри, не ходи к разрушенному дому. Люди говорят, что там бывать опасно, особенно вечером. Смотри же! Дело в том, что я, может быть, не вернусь сегодня, а приеду только к завтрашней ночи. Посуды у меня много, и вряд ли удастся в один день распродать ее.

С этими словами он сел на облучок санок, шевельнул вожжами и поехал к городу.

Кай сначала читал, потом вздремнул немного, потом вспомнил об угольном человечке. Ему было скучно, он вышел из дома, побродил по двору и, вспоминая, как он делал угольную куклу и как она ожила, стал незаметно для себя отходить от дома все дальше и дальше.

— Ах, да я иду в сторону моря, — подумал Кай, — а ведь отец не велел мне ходить к старому разрушенному дому. А почему не велел — и сам не знает. И что там может быть?

В Кае заговорило любопытство, да такое сильное, что он забыл о запрещении отца, об опасности, о страхе, обо всем и решил войти в старый дом, о котором говорили, будто он был выстроен сто лет назад. Еще уверяли, что там случилось какое-то несчастье и что хозяева бросили его. Дом стоял пустой и понемногу разваливался. Кай подошел к нему. Это было громадное мрачное здание с выбитыми окнами, с сорвавшимися с петель дверями. Кай немного постоял перед ним, потом переступил обветшалый порог. Пустая мрачная комната, ничего страшного. Он перешел в другую, третью, наконец попал в большую залу. Ее наполняли необыкновенные вещи. Тут были восьмиугольные, пятиугольные и четырехугольные столы, заставленные странной посудой, банками с какими-то жидкостями, чашами; громадные кресла с очень высокими спинками, украшенными резными змеями с глазами из драгоценных камней; какие-то музыкальные инструменты невиданной формы и т. д. Посередине комнаты стоял бронзовый блестящий нарядный стол, а на нем — подпертая стойкой громадная книга в черном переплете с золотыми застежками. Каю стало очень страшно. Он повернул к двери, но ее не оказалось на месте. Все стены комнаты сплошь покрывали толстые ковры, и не было видно, где кончался один, где начинался другой. Кай бросился к стенам и стал ощупывать их. От отчаяния слезы выступили у него на глазах, но он никак не мог найти двери. Со стоном мальчик отошел от стены и, как только повернул голову, увидел, что посреди комнаты, подле черной книги, стоит старуха в черном платье, с бледным лицом, с трясущейся головой и с длинными космами седых волос, торчащих из-под остроконечной шапки, вышитой какими-то знаками. В руках у старухи была большая черная клюка с изогнутой ручкой. Она смотрела на Кая, и ее маленькие глазки блестели, как у молодой девушки.

— Не бойся, не бойся, лучше подойди ко мне, миленький, — сказала она. — Я ничего с тобой не сделаю, только тысячу пятьсот лет ты не выйдешь из этого дома. Ты будешь моим учеником. Я научу тебя вызывать гениев, но для этого ты не должен никогда больше видаться с людьми. Гении дадут тебе богатство, роскошь и удобства. Вот видишь, тебе нечего огорчаться.

— Нет, лучше отпустите меня, — сказал Кай. — Мне не нужно ни роскоши, ни богатства. Я хочу видеть отца, хочу жить с людьми... На что мне золото и другие сокровища, раз я не буду по-прежнему видаться с моими товарищами, с друзьями, со всеми, кого я любил?

— Довольно разговаривать. Ты останешься у меня, и дело с концом. Молчи — не то...

И она с угрозой подняла клюку.

На следующий день старуха велела Каю снять старое голландское платье, принесла новое, какого-то странного покроя, сделанное из бархата и атласа, покрытое дорогой вышивкой и унизанное

сверкающими драгоценными камнями.

— Это чтобы тебе не было скучно, — сказала она.

Чернокнижница принялась учить Кая своему искусству. Не обращая внимания на слезы и просьбы мальчика, она заставляла его процеживать страшные яды, варить похлебку из ядовитых змей и жаб, помешивая ее громадной ложкой, и недели через две приступила к главному — вызыванию гениев по книге в черном переплете с золотыми застежками. Для этого нужно было читать странные буквы, составлявшие странные слова, и трижды произносить заклинания. Когда Кай заучил первую фразу и по приказанию старухи при ней вызвал гения недр земли, комната наполнилась страшным шумом, осветилась золотистым светом, и в ней появилось железное существо, похожее не то на птицу, не то на человека с алмазным ожерельем и громадными золотыми крыльями. Старуха произнесла второе заклинание, и вот из его полулап, полурок посыпались осколки золота, много золота. Перевернув страницу, чернокнижница произнесла третье заклинание, и гений исчез. Потом, когда колдунья осталась наедине с Каем, она заставила мальчика собрать золото в ларчик.

Однажды старуха сказала:

— Мне нужно улететь далеко, далеко отсюда, в теплую страну, к великому городу, который стоит на семи холмах, за травой, отмыкающей все замки, все затворы. Только под стенами того старого города растет она, лететь мне придется далеко, а потому я вернусь вечером. Чтобы тебе не было скучно, изволь к завтрашнему дню затвердить вот это заклинание. Выучись хорошенько произносить слова, но только помни, не смей говорить их, стоя перед книгой и положив руку на ее раскрытые страницы. Иначе тебе же будет худо.

Сказав это, старуха свистнула, и на ее зов неизвестно откуда появился зеленый крылатый дракон, она уселась на него и в одно мгновение вылетела через трубу огромного камина.

Кай остался один. Прежде всего он попробовал опять отыскать дверь, чтобы, если возможно, убежать и вернуться к отцу, но, как и в первый раз, ничего не нашел. Походил по комнате, поплакал, потом сел за книгу, раскрытую на той странице, на которой ему нужно было учить заклинание, и принялся твердить странные волшебные слова.

Он очень легко освоился с ними, так как привык заучивать слова из этой книги, и вдруг ему захотелось узнать, что будет, если он без старухи вызовет гения. И какой гений явится к нему? Кай понимал, что это неблагоразумное желание, но никак не мог совладать с любопытством. Наконец он встал, подошел к бронзовому столу и, положив руку на раскрытые листы книги, дрожащим голосом начал говорить:

— Кари, кари, бум, бум... — и другие таинственные слова.

Едва он повторил заклинание в третий раз, как в комнате что-то зашипело, затрещало. В камине вспыхнул яркий красный огонь и залил всю залу зловецким светом. Среди багровых клубов дыма, ворвавшихся неизвестно откуда, появился гений на ярко-красных с желтым крыльях. Его глаза и все лицо горели нестерпимым блеском. Пламя и огонь расходились от его громадных крыльев, зажигая все вокруг. Без слов Кай понял, что он вызвал гения огня. В отчаянии мальчик стал перелистывать страницы, но не мог найти заклинание, имевшее силу прогнать страшного гения. Вот стали тлеть ковры, вот вспыхнул стул из сухого дерева, вот обуглились ножки дивана. В эту минуту, взглянув на уголь, Кай вспомнил об угольном человечке, который был так рад, что он дал ему жизнь, и наудачу закричал:

— Угольный человечек, угольный человечек! Ведь ты же обещал помочь мне в трудную минуту! Сюда, сюда!

И пора было позвать его: волосы на голове Кая уже начинали тлеть. Мальчик хотел снова закричать, но увидел, что перед ним стоит маленькая черная фигурка с блестящими живыми глазками, кланяется ему и говорит:

— Хорошо, что ты позвал меня, я сейчас тебе помогу. Я не боюсь огня, мы с ним давно знакомы и даже состоим в некотором родстве. Всякого гения я сумею прогнать, потому что тот уголь, из которого ты сделал меня, был прежде старой-старой сосной, росшей возле дома гораздо более

могучего колдуна, чем твоя чернокнижница... Сосна знала наизусть все заклинания, все волшебные слова.

— Да что же ты болтаешь, а не поможешь мне? Смотри, ведь вокруг нас все пылает. Вот-вот я сам сгорю, помоги же мне, угольный человечек!

В одно мгновение черная фигурка сделала уморительный прыжок, вскочила на кресло, потом на стол и, перевернув семь страниц, прочитала писклявым голосом коротенькое заклинание. Гений мгновенно исчез, огонь потух, и в комнате остался только запах гари.

— Но что же будет со мной? — простонал Кай. — Ведь старуха все равно убьет меня. Она никогда не простит мне моего непослушания.

— А зачем тебе ждать старуху? — спросил угольный человечек. — Разве тебе не хочется вернуться домой к отцу?

— Как не хочется, — ответил мальчик, — очень хочется! Да как выйти из этой залы?

— Да так и выйди, — ответил угольный человечек, — огонь оказал тебе услугу, ведь дверь-то сгорела и сгорела та волшебная картонная чаша, в которой лежал талисман, скрывавший выход из залы. От обыкновенного огня чудодейственная чаша не погибла бы, но ведь тут был сам огненный гений, а это не шутка! Иди же, не мешкай. Пора, пора.

И угольный человечек быстро побежал к стене, на которой лохмотьями висел почерневший, обгоревший ковер. Кай шел за ним. Угольный человечек дотронулся до ковра своей маленькой черной ручкой, с удовольствием понюхал его и сказал мимоходом:

— Как славно пахнет! И он стал гораздо красивее прежнего, черный, угольный! Но ведь вы, люди, этого не понимаете. Ну, смотри же, вот и выход.

Он отодвинул ковер, Кай увидел обгоревшую, настежь открытую дверь и, не помня себя от радости, выбежал из нее. Он быстро прошел через все остальные пустые комнаты полуразрушенного дома и вскрикнул от удовольствия, ступив на оттаявшую землю и вдохнув чистый воздух ранней весны.

— Как долго пробыл я здесь, — сказал он, — вошел сюда зимой, а теперь уже наступила весна.

— Да, да, — ответил человечек, — только идем, идем, торопись домой. — И они побежали. У дверей дома горшечника угольный человечек простился с Каем, пожал ему руку своей черной ручкой и сказал:

— Теперь ты больше меня не увидишь. Мне было позволено только раз оказать тебе услугу, а теперь уж я не буду заботиться о тебе, заботься о себе сам и будь счастлив.

Он кивнул Каю головой и быстро побежал прочь.

Кай бросился в дом отца. Увидев сына, старик не поверил собственным глазам. Кай рассказал ему обо всем, что случилось, а отец вместо слов только целовал его и плакал.

Кай исправился, он поступил в школу, а через много лет сделался ученым, который особенно любил добывать из земли уголь и исследовать его.

